

Международная передача знаний в контексте политического процесса: роль причинных механизмов

Григорьева Наталия Сергеевна

Доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии управления, SPIN-код РИНЦ: [9017-7352](#),
ORCID: [0000-0002-7707-6754](#), grigorieva@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Чубарова Татьяна Владимировна

Доктор экономических наук, PhD (Social Policy, LSE), главный научный сотрудник, SPIN-код РИНЦ: [3367-5073](#),
ORCID: [0000-0002-3985-0198](#), t_chubarova@mail.ru

Институт экономики РАН, Москва, РФ.

Аннотация

В статье анализируется роль международной передачи знаний как одного из важнейших атрибутов современного политического процесса. Получаемое в итоге новое знание оказывает влияние на постановку политических задач и выработку механизмов их решения, расширяя возможности политических акторов. Международная передача знаний приобретает особое значение в условиях структурных трансформаций, оказывая непосредственное влияние на формирование национальной политики, хотя степень такого влияния может различаться. Об этом, в частности, свидетельствует опыт передачи знаний, оцениваемый как положительно, так и критически, в ходе реформ на постсоветском пространстве. Для обозначения таких процессов предлагается использовать термин «передача знаний» как комплекс различных видов деятельности и механизмов, способствующих распространению и использованию знания (или обеспечивающих их) в той или иной сфере жизнедеятельности общества. Три основные темы структурируют содержание статьи: анализ терминологического аппарата и особенностей языковой исследовательской коммуникации при рассмотрении передачи знания в контексте глобальных и национальных стратегий; методологические подходы к международному обмену знаниями как основе продвижения политических решений, его способы и акторы; роль в передаче знания в социальных науках и политике причинных механизмов, которые в конечном итоге определяют практические результаты. На основе анализа современной дискуссии о роли причинных механизмов в глобальной политике они концептуализируются в статье как события, которые лежат между входом (передача знания) и выходом (принятие/непринятие политического решения), объясняя логические связи внутри процесса. Вместе с тем необходимо активизировать дискуссии о путях передачи знаний, важной роли причинных механизмов для объяснения современной динамики передачи/распространения знаний и политики.

Ключевые слова

Передача знаний, глобализация, политический процесс, причинные механизмы, социальная политика.

Для цитирования

Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Международная передача знаний в контексте политического процесса: роль причинных механизмов // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 135–151. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-135-151

International Knowledge Transfer in the Context of Political Process: The Role of Causal Mechanisms

Natalia S. Grigorieva

DSc (Political Science), Professor, Head of Department of Sociology of Management, ORCID: [0000-0002-7707-6754](#), grigorieva@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Tatiana V. Chubarova

DSc (Economics), PhD (Social Policy, LSE), Senior research fellow, ORCID: [0000-0002-3985-0198](#), t_chubarova@mail.ru

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article analyzes the role of knowledge as one of the most important conditions for policy transfer at the international level. The dynamics of knowledge transfer shows how actors in the political process transform goals and means of policy as a result of acquisition of a new knowledge. It is noted that during periods of structural transformation, there is an increased interest in the interaction between knowledge transfer and policy change, and different configurations of such a process are possible. This is confirmed by the example of the role of knowledge transferred at the beginning of reforms in the post-Soviet space, primarily the success or failure of such transfer. To designate such processes, it is proposed to use the term "knowledge transfer" as a complex of various types of activities and mechanisms that promote (ensure) the dissemination and use of knowledge in a particular area of society. Three main themes structure the content of the article, namely the analysis of the terminological apparatus and features of linguistic research communication when considering knowledge transfer in the context of global and national strategies; methodological approaches to international knowledge exchange as the basis for promoting political decisions, its methods and actors;

the role of casual mechanisms in knowledge transfer in social sciences and the politics that ultimately determine practical outcomes. Based on the analysis of the modern discussion about the role of causal mechanisms in global politics, they are conceptualized in the article as events that lie between the input (knowledge transfer) and the output (making/not making a political decision), explaining the logical connections within the process. At the same time, there is need to intensify the discussion about the ways of knowledge transfer as well as important role of causal mechanisms in explaining modern dynamics of the transfer/dissemination of knowledge and politics.

Keywords

Knowledge transfer, globalization, political process, causal mechanisms, social policy.

For citation

Grigorieva N.S., Chubarova T.V. (2024) International Knowledge Transfer in the Context of Political Process: The Role of Causal Mechanisms. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 107. P. 135–151. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-135-151

Дата поступления/Received: 30.09.2024

Введение

В современном мире движение знаний, пересекающих границы, оказывает влияние на формирование национальных стратегий развития, а накопленный разными странами опыт может выступать в качестве варианта решения актуальных общественных проблем. Контекст международного сотрудничества в целях развития оказался особенно плодотворным для взаимного обогащения идеями, подталкивая исследователей к модифицированию используемых теорий, методологий и методов, тем самым задавая вектор дальнейшего развития. При сохранении значительных национальных особенностей в политических траекториях различные государства для реализации схожих задач используют однотипный набор средств. Представляется, что это является результатом формирования своего рода готовых политических рецептов, которые Р. Фримэн относит к распространению «модели последовательного принятия практики, политики или программ в разных странах либо в разных субнациональных юрисдикциях...» [Freeman 2006, 369].

В рассматриваемом контексте особое место в исследованиях современного общества занимает анализ опыта реформ в странах, которые прошли через структурные реформы, приведшие в итоге к изменению политических режимов. Он показывает, что эти процессы были в значительной степени связаны с международной передачей знаний, когда знания, полученные в одной политической реальности, были использованы для изменения другой. Возникает вопрос о том, насколько удачным оказался такой трансфер и какие факторы в итоге определили его результаты.

За последние два десятилетия международное движение знаний стало активно исследоваться в политических науках, в частности в социальной политике, для анализа влияния процессов глобализации на формирование политики в разных областях и на разных уровнях управления. Наряду с этим обсуждается вопрос об успешности и неуспешности внедрения решений, основанных на опыте других стран. Традиционно в качестве основной причины неуспеха отмечают недостаточный учет особенностей национального контекста [Causal Mechanisms in the Global Development... 2022, 3–31].

Вместе с тем, несмотря на важность, исследования феномена международного движения знаний в русскоязычной литературе довольно ограничены. Поэтому задача данной статьи — попытаться восполнить этот пробел по трем направлениям. Прежде всего, необходимо проанализировать терминологический аппарат и особенности языковой исследовательской коммуникации при рассмотрении передачи знаний в контексте глобальных и национальных стратегий; рассмотреть методологические подходы к международному обмену знаниями как важному фактору разработки политических решений, выделить его основные способы и акторов. Особое внимание уделено роли причинных механизмов в контексте политического процесса, которые, на наш взгляд, в конечном итоге определяют достигнутые практические результаты.

Проблемы терминологии: к вопросу о понятийном аппарате

Одна из наиболее сложных проблем, объясняющая недостаточность российских исследований по рассматриваемой проблематике, — это отсутствие в отечественной научной литературе общепринятого термина, обозначающего рассматриваемое явление — процесс, когда знание, полученное в одном контексте, переносится (возможно, с изменениями) в другой контекст. Например, А.Ю. Сунгуров использует термин «инновационное знание» [Сунгуров 2015], связывая появление нового знания с инновациями; другие авторы в своих исследованиях ставят задачу оптимизации «трансфера знаний» в развивающихся междисциплинарных исследованиях, возникающих при пересечении/взаимодействии различных дисциплин, в том числе политических, лингвистических, математических и других [Фомин 2018].

Следует отметить, что ситуация осложняется тем, что в иностранной литературе данные процессы описываются рядом терминов, при этом происходит их эволюция [Mokhtar, Rahman 2020].

Это можно проиллюстрировать на примере собственно политического процесса. Широко используемый термин *policy transfer* можно перевести на русский язык и как трансфер, и передача, и перенос политики, под которым зарубежные исследователи понимают процесс, в котором знания о политике, об административных механизмах, институтах и идеях в одной политической среде (прошлой или настоящей) используются для разработки политики, административных механизмов, институтов и идей в другой политической среде [Dolowitz, Marsh 2000]. Однако это зонтичный термин, имеющий ряд модификаций, например диффузия политики (*policy diffusion*), конвергенция политики (*policy convergence*) или извлечение уроков (*lesson drawing*), при этом поиск адекватных теоретических конструкций для объяснения практики продолжается.

Вместе с тем для движения знаний можно использовать и другие подходы, например теории, берущие за основу развитие и функционирование социальных институтов или влияние идеологий (*power of ideas*). Причем часто эти подходы объединяются в понятие «сети активных участников», которые оказываются вовлеченными в процесс через обучение, переподготовку и другие формы передачи знаний или информации. Сила влияния и устойчивость этих сетей во многом зависят от того, как происходит обучение и распространение знаний: сети с более высокой связью между участниками значительно активнее, чем те, где связь слабая. Примером могут служить различные адвокатские коалиции (*advocacy coalitions*) или эпистемологические сообщества (*epistemic communities*), которые определенным образом структурированы и включены в процессы обучения политологическим дисциплинам и проявления политической компетентности (*policy learning u policy expertise*). Исследователи анализируют различные схемы активных и потенциальных участников подобных сетей и то, как они актуализируют свои знания и по каким каналам влияют на формирование и реализацию политики. В этом контексте больше прослеживается роль именно знаний, процесса его усвоения и распространения, хотя, возможно, более неформального.

Таким образом, и в англоязычной литературе нет полного терминологического согласия, более того, активно идет процесс введения новых определений, весьма метафоричных и отражающих современные реалии рассматриваемых процессов. В последнее время некоторые исследователи, анализируя процессы передачи политики, употребляют термин «перевод политики» (*policy translation*), тем самым делая акцент не на передаче как некоем механическом действии, а на переводе как приспособлении / адаптации политики к иным условиям. При этом авторы ссылаются на опыт собственной работы по изменению социальной политики в странах Центральной и Восточной Европы в процессе перехода от социализма к капитализму, подчеркивая его уникальность и драматичность, особо отмечая, что понятие «перевод» само по себе прошло долгий путь от своего возникновения в лингвистике к ситуации, в которой все большее число ученых осознают

«концептуальную сложность и политико-этическое значение перевода» с точки зрения его «соучастия» и неотделимости от совершаемых преобразований [Lendvai, Stubbs 2007; Greenhalgh, Wieringa 2012].

Разность смыслов, которая порой вкладывается в те или другие термины при их переводе с одного языка на другой, — проблема не новая. Более того, сложности трактования возникают и в рамках одного языка, причем они могут быть следствием не просто семантических трудностей, но и политических и экономических обстоятельств [Оруэлл 2021, 140–157].

Таким образом, представляется не совсем верным использовать кальки иностранных терминов в русскоязычном сегменте рассматриваемого поля исследований. Это, на наш взгляд, создает неверное впечатление новизны рассматриваемой проблемы для российской науки. Справедливости ради следует отметить, что, безусловно, возникают нюансы, связанные с развитием политической науки в России, потребности в объединении прошлых наработок с новыми концептами.

С одной стороны, в российской традиции распространение знаний традиционно понималось через обмен (в основном опытом), что подразумевает прежде всего равенство всех участников. В настоящее время при обсуждении международного движения знаний возникает ощущение одностороннего процесса. Скорее всего, это связано с конкретным явлением, а именно распространением западных подходов в странах с другими социально-экономическими и культурными характеристиками. Такая ситуация стала результатом социально-экономического неравенства, сложившегося в мире, когда в ходе международного обмена, по существу, закрепляются позиции более развитых стран, которые, в свою очередь, оказывают влияние и на деятельность международных организаций. Хотя следует отметить, что для этого могут быть достаточно объективные основания. Так, например, к моменту начала постсоветской трансформации социальное государство, сложившееся в развитых государствах и обеспечивающее высокий уровень жизни граждан, неизбежно выступало как ориентир социального развития. Однако в ходе реформ стало понятно, что социальная политика должна учитывать специфику развития той или иной страны, что поставило на повестку дня необходимость учета национальных факторов при использовании зарубежного опыта и выработке рекомендаций международными организациями в ходе разработки национальных социальных программ.

С другой стороны, трансфер знаний скорее связан с чисто техническими проблемами и подразумевает передачу технологий, движение знаний из кабинета в практику в ходе взаимодействия науки и производства, коммерциализацию знаний. Поэтому его использование в социальных науках означает придание процессу несколько механистического, детерминистского оттенка.

Однако и то, и другое подразумевает целенаправленную — и в этом смысле политическую — деятельность, что позволяет выделять и круг заинтересованных лиц, и используемые методы.

На наш взгляд, в такой ситуации необходим зонтичный термин, который бы позволил инкорпорировать различные аспекты, связанные с движением знания [Григорьева, Чубарова 2023]. Для этой цели предлагается использовать термин «передача знаний» как комплекс различных видов деятельности и механизмов, которые обеспечивают распространение и использование знания в другой институциональной среде, в той или иной сфере жизнедеятельности общества.

Методологические подходы к передаче знаний на международном уровне в контексте политического процесса

Необходимо отметить несколько методологических предпосылок данной работы.

Во-первых, в исследовании рассматривается не любое знание, а лишь то, которое служит основой, источником принятия политических решений, влияет на их формирование. Поэтому

важно определить не только, о каком знании идет речь — обыденном, научном, профессиональном, экспертном, но и о том, как оно используется, в данном случае — для достижения определенных политических целей.

При этом имеется в виду не просто информация, а научное знание, полученное по определенной методологии, хотя могут использоваться и другие формы знания, например основанные на индивидуальном опыте. В последнее время получил распространение подход доказательной политики, который «предполагает обоснование предлагаемых вариантов нормативно-правового регулирования, отдельных мер и мероприятий социально-экономической политики с помощью результатов научных исследований, научно обоснованных фактов и широкой доказательной базы» [Волошинская, Комаров 2015, 91].

Особенность состоит в том, что, когда возникает вопрос о передаче знаний, фактически речь идет о передаче практик — то, что получилось в одной стране, может быть реализовано и в другой. Но закономерно возникает вопрос, какое знание сосредоточено в этих практиках и насколько успешность этих практик доказана.

Принятие решений в управлении — если иметь в виду, что это технологическое преобразование политической власти в управление, — в самом общем виде включает в себя: выявление проблемы; разработку инструментов, которые могут быть использованы для ее решения; внедрение, действие и оценку результатов. Такая эвристическая модель позволяет проследить, как на каждом этапе происходит передача знаний, как задействованы в этом процессе различные заинтересованные стороны, какое решение может получить наибольшую поддержку и каков результат. В такой модели знания сопровождают весь процесс подготовки и принятия политического решения, и поэтому передача знаний может происходить на любой его стадии, тем самым из раза в раз актуализируя его.

Использование знания в политическом процессе, в зависимости от поставленных задач, можно объединить в два направления: технократическое, когда нужно найти новое решение существующих проблем, и идейно-политическое, когда во главу угла ставится стремление найти оправдание определенной позиции. Поэтому применение знания может или подкреплять существующую политику, или способствовать ее изменению.

Во-вторых, в исследовании речь идет именно о движении знаний на международном уровне, то есть между странами, или, точнее, о ситуации, когда источник знаний находится в одной стране, а получатель — в другой. При этом значима сила международного влияния той или иной страны, а также состав акторов, который неоднороден, включая носителей разных культур, в том числе и политической.

«Направленность» международной передачи знаний может быть различной. Например, циркуляция в среде ограниченного набора государств (например, ЕС, страны Центральной и Восточной Европы, БРИКС) или от развитых к развивающимся (с «севера на юг»), что рассматривается как распространение «лучших практик». Но в любом случае происходит движение знаний от разработчика к тому, кто будет его использовать, а исследования и их результаты оцениваются и потому, насколько они востребованы на политическом уровне.

На наш взгляд, международный обмен знаниями всегда вызван необходимостью изменений, использованием опыта других стран, которые сталкивались с подобными проблемами. Поэтому возможно выделение двух основных способов влияния знания на политический процесс, а именно «вползание знания» (*knowledge creep*), когда происходят постепенные, незначительные изменения в рамках существующих политических структур, и «сдвиг в знании» (*knowledge shifts*), когда трансформируются сами политические структуры и власть [Daviter 2015].

Например, влиятельные страны-доноры, глобальные финансовые учреждения, международные организации или транснациональные корпорации могут действовать с целью внести изменения в национальную политику, например включение так называемых специальных положений, выполнение которых становится условием для получения грантов, займов или других форм инвестиций [Stiglitz 2002, 6, 20, 60; Садовничий и др. 2012, 41–45].

Первоначально передача знаний осуществлялась в направлении от развитых государств в страны развивающегося мира. Но в последние годы исследователи обращают все большее внимание на тот факт, что наблюдается обратный процесс: в развивающихся странах создаются инновации, знания о которых включаются в политическую повестку других стран, в том числе развитых [Stone et al. 2020; Brazil and China in Knowledge and Policy Transfer Agents... 2022].

В-третьих, вопросы передачи знаний на международном уровне мало разработаны применительно к политическим решениям. В других сферах таких исследований гораздо больше. Так, знания играют важную роль в организационной теории, они рассматриваются как стратегический ресурс организации, и поэтому вопросы передачи знаний на уровне организации довольно хорошо разработаны, в том числе и проблема передачи знаний [Lee et al. 2022b].

Знания, как правило, генерируются экспертами в дисциплинах и/или профессиях. Они проиллюстрированы с использованием сложных инструментов исследования (расчетами, диаграммами, рисунками, понимание которых требует специальной подготовки), дающих теоретические и эмпирические результаты, которые «подводят лиц, принимающих решения», к практическим действиям. Поэтому экспертов, участвующих в этой передаче, можно сравнивать по их потенциалу, позициям в структуре власти и формальному статусу.

Важно понимать степень влияния идей и знаний в политическом процессе, как эта роль меняется или модифицируется в контексте развития в отличие от, например, научной политики, которая, как правило, сосредоточена на передаче и распространении исследований и их результатов. «Мягкая» передача политических знаний кажется относительно простой, но постоянная рециркуляция идей во многих контекстах усложняет сначала картографирование таких идей; то, как они структурируют мышление и реформируют политические программы правительств, а затем как воплощаются на практике.

Процессы генерации, синтеза, распространения и применения знаний описываются по-разному [Graham et al. 2006], но важно учесть, что политические процессы могут быть поняты только с учетом передачи знаний [Blyth 2002; Heinrich 2021]. Она же может стать стимулом для последующего принятия решений, проясняя их характер [Graham et al. 2006], а также для оценки их реализации и эффективности [Lee et al. 2022a]. При этом отмечается, что передача знаний более обширна, чем передача политики [Stone 2012], что, на наш взгляд, связано с тем, что знание может «пересечь границу», но не быть в итоге использованным. В то же время передача политики все-таки подразумевает, что процесс состоялся. Это объясняет растущий интерес к пониманию взаимодействия между передачей знаний и изменением политики.

Дискуссии конца 1970-х – начала 1990-х годов выявили различные модели, в рамках которых возможно осуществление передачи знаний: агентные модели, структурные модели и модели социального влияния. Агентные модели используют стратегии агрегирования последствий индивидуального выбора в результаты макроуровня; структурные модели демонстрируют причинное влияние определенных социальных структур или институтов (например, системы сбора налогов) на социальные изменения, позволяя с помощью методов структурного моделирования упростить решаемую задачу путем исследования внутренней структуры рассматриваемого объекта; с помощью моделей социального влияния индивиды корректируют свое поведение в соответствии

с требованиями социальной среды, включая распространение поведения или эмоций через группу, население или социальную сеть.

Международная передача научных знаний осуществляется различными способами: через миграцию научных кадров; научные конференции и другие формы профессиональных контактов и международного научного сотрудничества, включая совместную исследовательскую деятельность; привлечение иностранных ученых к реализации национальных и международных исследовательских программ; стажировки в зарубежных научных коллективах; создание исследовательских центров.

При этом необходимо сделать ряд уточнений: технологии и «носители знания» помогают идеям распространяться на международном уровне через различные каналы воздействия, а разработчики внутренней политики могут использовать эти знания для того, чтобы быть более информированными о глобальных политических тенденциях; передача знаний может иметь серьезные непредвиденные последствия, например принятие политических решений с плохо доказанным успехом или неудачная передача [Stone 2017]; переданные знания могут быть востребованы только через определенное время, обретая новый смысл.

Исследования взаимосвязи между распространением знания и последующими политическими изменениями, в которых показана важная роль знаний в изменении политики [Blyth 2002, 649–692; Béland 2005], распространены достаточно широко [Knowledge and Policy Change 2013]. Это достаточно устоявшееся взаимодействие. Отношения между знаниями и политикой являются линейными и кумулятивными. Важно понять, как знания будут в дальнейшем использоваться при разработке политики (и будут ли) и какие механизмы определяют то знание, которое будет в итоге выбрано из всех возможных вариантов.

В этот период особая роль отводится агентам знаний, которые обладают способностью определять проблемы, формировать климат дебатов, участвовать в установлении стандартов, нормотворчестве или в иной деятельности, например консультативной. Однако литература по использованию знаний подвергалась критике за предположения о том, что парадигматические сдвиги или изучение политики происходят по мере того, как идеи «просеиваются» в политическую атмосферу, а механизмы и агенты, посредством которых происходят изменения, недостаточно объяснены [Campbell, Pedersen 2011]. Деятельность отдельных лиц, команд, организаций и сетей играет центральную роль в понимании направлений и скорости, с которой происходит распространение знаний. При этом они не просто нейтральные «доказательства» или данные, работающие как технический вклад в управление глобальным порядком; знания представляют собой форму «технократической» власти, работающей над формированием политики и результатов по принципу «кто что получает».

Это сложное движение еще и потому, что вовлеченные в него эксперты и государственные органы создают «кодифицированное знание», то есть конкретный интеллектуальный и научный продукт, содержащийся в публикациях, материалах конференций, на веб-сайтах и в декларациях консультативных групп. Агенты знаний также производят «молчаливое знание» — общее понимание и общие идентичности, которые формируются и поддерживаются в «эпистатических» или «интерпретационных» сообществах.

Динамика передачи знания лучше всего объясняет, как участники политического процесса трансформируют цели и средства политики в соответствии с прошлым опытом и той новой информацией, которая появляется в результате проникновения нового знания. Зачастую кризис, революции и т. д. являются благодатным временем с точки зрения запроса на все иное, в том числе и на новое знание, что создает условия для его быстрой передачи. При этом производители знаний, агенты, сети знаний формируют разные конфигурации движения знания через различные каналы.

Следует отметить, что передача знаний методологически недостаточно плохо разработана в отличие от передачи политики. Поэтому представляется возможным использовать ставшую канонической методологию передачи политики Д. Доловица и Д. Марша как основу передачи знаний на международном уровне в контексте политического цикла, то есть необходимо ответить на следующие вопросы: какое знание передается; кто участвует в этой передаче; какие конкретные формы используются; какие возникают ограничения в ходе этого процесса, — и, наконец, дать оценку результата, которая часто формулируется в терминах успеха или неудачи. На этой основе авторы сформировали методологическую основу анализа передачи знаний на международном уровне и использовали ее при проведении исследования формирования социальной политики в России [Chubarova, Grigorieva 2020].

Для анализа передачи знаний необходимо, на наш взгляд, исходить из трех элементов.

Содержание передаваемого знания. Предполагается, что это «идея, практика или объект, которые воспринимаются как новые...» [Rogers 2003, 5]. Э. Роджерс определяет их как инновации, которые касаются государственной политики и тех элементов системы, посредством которых происходит распространение такого рода инноваций, предлагая пять атрибутов предполагаемых нововведений, которые могут повлиять на принятие/непринятие инновации:

- 1) относительное преимущество: воспринимается ли новая идея лучше, чем та, которую она должна заменить;
- 2) совместимость: степень восприятия как соответствующей существующим ценностям, прошлому опыту, институциональной среде;
- 3) сложность: трудность для понимания;
- 4) тестируемость: степень, до какой можно экспериментировать с инновацией (возможность проб);
- 5) наблюдаемость: доступность результатов реализации этой инновации (идеи) в другой стране.

Субъекты (акторы), участвующие в передаче знаний, от преподавателей и научных работников до политических игроков. Это могут быть как граждане, так и организации. Особо следует отметить исследователей, теории которых оказали существенное влияние на социальное развитие. Например, Дж.М. Кейнс был одним из тех, кто в равной степени представлял и научный, и политический мир. Его тезис о том, что «идеи экономистов и политических философов... более могущественны, чем это принято считать» и именно они «правят миром» регулярно повторяется у исследователей в разных контекстах [Keynes 1937, 209–223]. В качестве других известных ученых, которые распространяли идеи политики в других странах и сообществах, можно привести Д. Роулза (теория справедливости), М. Юнуса (распространение практики микрокредитования), Д. Стиглица (исследования в области микро- и макроэкономики).

Важную роль в передаче знаний играют международные организации, например Всемирный банк, ОЭСР, ООН и ее агентства, в последние годы АСЕАН, БРИКС. Это могут быть также неофициальные глобальные диалоги и элитные встречи, такие как Всемирный экономический форум (ВЭФ) в Давосе, которые транслируют политические идеи через, например, различные рабочие группы. Проведение как регулярных глобальных конференций, так и специальных целевых групп, объединяющих представителей бизнеса, неправительственных объединений, могут играть значительную роль в выборе того, какие именно знания должны быть переданы и с помощью каких механизмов.

Неправительственные акторы, включенные в процесс передачи знаний, как правило, имеют формализованный доступ к лицам, принимающим решения, могут влиять на формирование политики и способствовать проникновению различных идей. Они часто помогают в разработке социальных стратегий и стандартов.

В последнее время повышается значение сетей как средства распространения знаний, это новая социальная технология для ускорения и распространения глобальных норм, практик и моделей политики [Реск, Theodore 2015, 336]. Если рассматривать политические сети как транснациональную структуру, они могут объединять агентов передачи, разделяющих сходные цели и объединяющих значительное число людей с разным политическим культурным опытом и политическими интересами.

Институциональная среда, в рамках которой осуществляется передача знаний, то есть система права, морали, этики и соответствующих им формальных и неформальных институтов. Иными словами, это фундаментальные политические, социальные и юридические правила, в рамках которых протекают процессы передачи знаний. В ходе этого процесса участники в результате обретения нового знания могут менять свои убеждения, отношения или ценности и в конечном счете свое поведение — в итоге приобретение знаний может формировать новую институциональную среду.

Применять знание можно по-разному [Greenberg et al. 2003], когда использование рассматривается как инструментальное/конкретное (прямое использование), концептуальное/просветительское (влияющее на понимание людей) или символическое/убеждающие (как средство мобилизации поддержки политики).

Таким образом, три элемента — содержание передаваемого знания, акторы, участвующие в этом процессе, и институциональная среда, поддерживающая или отторгающая новое знание, — отражают основные параметры процесса передачи знаний. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, как конкретно осуществляется движение знаний в политическом процессе и как связаны между собой переменные. Представляется, ответ может быть получен в результате обращения к причинным механизмам как событиям, которые лежат между входом и выходом передачи знаний и объясняют логические связи внутри процесса.

Причинные механизмы и их роль в международной передаче знаний

Существенная проблема состоит в том, как обеспечивается связь между знанием, политическим решением и практикой. Для понимания того, как выстраивается подобная цепочка, исследователи используют такой метод, как причинный механизм (*causal mechanism*) — последовательность событий или условий, регулируемых определенными закономерностями [Mahoney 2000, 387–426]. По мнению У. Сэлмона, «причинные процессы, причинные взаимодействия и причинные законы обеспечивают механизмы, с помощью которых работает мир. Чтобы понять, почему происходят определенные вещи, нам нужно посмотреть, как они создаются этими механизмами» [Salmon 1982, 616–626] и как благодаря своим свойствам «они способны вызывать другие события или состояния» [Dupré, Cartwright 1988, 521–536].

В начале XXI века интерес к причинным механизмам актуализировался [Lindquist, Wellstead 2019]. Но, несмотря на это, среди исследователей нет единого подхода к их пониманию, и в литературе можно встретить взаимодополняющие, равно как и конкурирующие, определения. Так, Дж. Махони идентифицировал 24 различных определения причинных механизмов, предложенных социологами, политологами и философами, выделив три разных понимания термина [Mahoney 2001]. Позже в обзорной статье о причинных механизмах П. Хедстрём и П. Юликоски перечислили девять

«альтернативных определений» [Hedström, Ylikoski 2010]. Однако чаще всего причинные механизмы концептуализируются как связи между входами (независимые переменные) и результатом (зависимые переменные).

Понятия «причинный механизм» (*casual mechanism*) и «отслеживание процесса» (*process tracing*) очерчивают современные дебаты в политической науке о конкретной методологии качественных исследований [Beach 2016; Beach, Pedersen 2013; Bennett, Checkel 2015; Goertz 2017]. Метод отслеживания процесса активно используется в исторической науке как «инструмент для изучения причинных механизмов в кейс-стади-исследованиях» [Beach, Pedersen 2013, 2] и схватывает основное содержание метода, который призван показать механизм, посредством которого переменная X оказывается связанной с переменной Y.

К сожалению, появление данного исследовательского инструмента в начале 2000-х годов было практически не замечено отечественной политической наукой — авторам статьи не удалось найти работы российских авторов на эту тему. Одна из немногих [Турченко, Завадский 2017] дает краткий обзор роли метода отслеживания политики в политических исследованиях, подробно останавливаясь на процедуре и особенностях его применения в эмпирическом исследовании.

Объясняя действие причинных механизмов, Дж. Махони отмечает, что использует термин «механизм» «для обозначения фактора, вмешивающегося между причиной и результатом... причиной и последствиям; они являются конкретными событиями или конкретными значениями переменных. Механизмы отличаются от причины и следствия из-за их временного положения: они стоят между причиной и следствием во времени. Таким образом, в выражении $X \rightarrow M \rightarrow Y$ буквы относятся к событиям или конкретным значениям переменных, при этом X рассматривается как причина, M как механизм и Y как результат» [Mahoney 2015, 204-206], которые можно расположить в хронологическом порядке между причиной и следствием, то есть определенной подгруппой промежуточных переменных, при этом в цепи $X \rightarrow M \rightarrow Y$ стрелками обозначены элементы, которые еще недостаточно выяснены [Goertz 2017, 32]. При таком подходе переменные объясняются в терминах их временного положения в причинной цепи, что придает термину «механизм» аналитический статус.

Данный подход к передаче знаний, на наш взгляд, имеет много общего с идеей Д. Мертона о социологических теориях среднего уровня, которые являются «теориями, находящимися между малыми, но очень важными рабочими гипотезами, которые во множестве возникают в процессе исследования, и всеохватывающими систематическими попытками создать единую теорию, которая объяснит все наблюдаемое единообразие социального поведения, социальной организации и социальных изменений» [Merton 1968, 39].

Современные исследователи причинных механизмов и их роли для глобальной политики различают несколько направлений дискуссии, истоки которой следует искать в 1970-х гг. [Kuhlmann, Nullmeier 2022]. Одно из них связано с базовым положением аналитической социологии о том, что понимание коллективных процессов требует, чтобы исследователи уделяли внимание единицам, из которых состоят механизмы (агенты, их свойства, действия и отношения). Эмпирические исследования должны ориентироваться на действия/взаимодействия и то, как они разворачиваются во времени. При этом большую ценность представляют лонгитюдные данные с реляционной информацией, основывающиеся на том, что основными единицами социальных механизмов являются акторы, их действия и отношения. Например, методологические работы Т. Фаллетти стали результатом осмысления им собственного обширного исторического исследования революций, государственного развития и протестных событий [Falletti, Lynch 2009].

Выделение причинных механизмов как метода исследования передачи знания само по себе является приращением знания — от изначального описания механизма, прослеживания его пути

от «входа» до «выхода», появления в каждом конкретном случае определенного модуля до возможности конструировать совокупности различных модулей, складывающихся, когда результаты исследований можно группировать, выделяя более или менее однородные элементы и процессы, что позволит в дальнейшем использовать модульный подход в исследованиях такого рода.

Развитие этого знания в основном строится на создании объяснительных схем «как это возможно», которые направлены не на прямое объяснение каких-либо конкретных эмпирических фактов, а на выработку общего понимания того, как такой механизм может работать, причем в различных условиях.

В настоящее время усилился интерес к «судьбе» знаний, переданных в начале реформ в постсоциалистических странах. Это вызвало появление ряда исследований, оценивающих результаты политики в отношении развития как всего общества [Social Policy, Poverty, and Inequality... 2019; Causal Mechanisms in the Global Development... 2022], так и отдельных секторов [Садовничий и др. 2012; Khmelnitskaya 2015; Chubarova, Grigorieva 2021].

Хотя диапазон интересов специалистов достаточно широк, большинство исследований проводится по ставшей уже классической схеме. Например, прослеживаются причинные механизмы, с помощью которых можно объяснить введение базового социального страхования в Китае или программы страхования по безработице в Турции [Brink 2022; Öktem 2022]. Появились работы, целью которых является сравнение результатов передачи знаний по конкретным направлениям в различных регионах [Devereux 2022], сравнительный анализ стран из разных регионов [Brazil and China in Knowledge and Policy Transfer Agents... 2022] или на постсоветском пространстве [Heinrich 2021; Heinrich et al. 2022].

Использование причинных механизмов для анализа передачи гендерных знаний от международного сообщества в Россию с конца 1980-х годов до начала 2020 гг. [Chubarova, Grigorieva 2019] показало, что она состоялась по классической схеме: наличие в стране спроса на гендерное знание, интерес различных акторов к передаче, социальные условия продвижения знания на уровень принятия политического решения. Новое знание прижилось на иной национальной почве. Более того, в течение определенного времени был достигнут значительный успех в продвижении гендерного подхода в российских исследованиях, образовании и политике, но в дальнейшем вектор сменился на анализ положения женщин в отдельных областях социальной сферы, роли женщин в современном обществе. Рассмотренный пример показал, что передача знаний облегчает приобретение новых знаний и навыков, но их устойчивое применение в процессе принятия решений может быть проблематичным и требует приверженности политических субъектов, а также соответствующих институциональных условий. Передача знаний может выглядеть как «рациональный», научно обоснованный и даже технический процесс, но это прежде всего политический процесс, связанный с властными отношениями.

Заключение

Вопрос передачи знаний на международном уровне в контексте политического процесса привлекает внимание исследователей, причем просматриваются по крайней мере два вектора дальнейшего развития: методологический, который заключается в сочетании механического подхода (как возможность сведения изучаемых достаточно сложных явлений и процессов к простым механизмам) и качественных методологий, включая новые методы качественных исследований, с позиций разных дисциплин и в различных национальных контекстах; практический, соотносящий действия акторов политики со сложными причинно-следственными связями, завершенные/незавершенные примеры передачи знаний, которые противоречат общим гипотезам или

подтверждают их [Lee et al. 2022a]. Используя механистическую перспективу, можно проследить причинно-следственные процессы, которые активируют эффекты и помогают достичь желаемых целей. Причинные механизмы могут стать мощным аналитическим инструментом как для ученых, так и для практиков государственной политики, стремящихся к ее эффективности [Lindquist, Wellstead 2019].

Для дальнейшего прогресса исследований в рассматриваемой области необходимо достижение терминологического единства, и этому, на наш взгляд, будет способствовать предлагаемое определение передачи знаний, а причинный механизм необходимо рассматривать в рамках триады: знания — акторы — институциональная среда. В современных социальных исследованиях исходная методологическая посылка состоит в том, что разработка концепции, ориентированной на акторов, и модульный подход к причинным механизмам приобретают все большее значение, что приводит к более актор-центрированному пониманию причинного механизма.

Исследования в области социальных наук должны быть в состоянии объяснить как отдельные случаи, так и их комбинации, а это возможно, если использовать технологию комбинирования различных модулей. Сочетая ориентацию на процесс, акцент на акторах и модульность, концепция причинных механизмов открывает новые перспективы для исследований. Они могут быть полезны в макроколичественных сравнительных исследованиях глобальной передачи знаний в политике, а также в работах, ориентированных на изучение конкретных случаев, по отдельным странам и даже программам. Совершенно очевидно, что передача знаний способствует развитию научно-исследовательского потенциала исследований политики; передача знаний предоставляет возможность быстрого освоения новых технологий за счет приращения знания о них; наконец, передача знаний способствует сокращению времени на исследования и разработки, избегая повторов и позволяя совершать «скачки» как в теории, так и на практике.

Продвигая исследования в области глобальной политики, способные охватывать разные регионы, сектора и периоды времени, причинные механизмы могут использоваться в качестве нового объяснительного подхода, способного преодолеть некоторые недостатки исследований, ориентированные исключительно на конкретные случаи.

Список литературы:

- Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник ИЭ РАН. 2015. № 4. С. 90–102.
- Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Международная передача знаний // Политология. Новый лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. С. 366–375.
- Оруэлл Дж. Мысли в пути: Публицистика, эссеистика, критика. СПб.: Азбука, 2021.
- Садовничий В.А., Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. От традиции к инновации: реформы здравоохранения в современном мире. М.: Экономика, 2012.
- Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Турченко М.С., Завадская М.А. Каузальный механизм vs нагромождение фактов? Критерии оценки причинно-следственных связей в case studies // ПолиС. Политические исследования. 2017. № 2. С. 134–146. DOI: [10.17976/jpps/2017.02.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.09)
- Фомин И.В. Проект «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: Опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований» // Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 241–242.

- Beach D. It's All About Mechanisms — What Process-Tracing Case Studies Should Be Tracing // *New Political Economy*. 2016. Vol. 21. Is. 5. P. 463–472. DOI: [10.1080/13563467.2015.1134466](https://doi.org/10.1080/13563467.2015.1134466)
- Beach D., Pedersen R. *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines*. MI: University of Michigan Press, 2013.
- Béland D. Ideas and Social Policy: An Institutional Perspective // *Social Policy & Administration*. 2005. Vol. 39. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1111/j.1467-9515.2005.00421.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2005.00421.x)
- Bennett A., Checkel J.T. *Process Tracing: From Philosophical Roots to Best Practices* // *Process Tracing: From Metaphor to Analytic Tool* / ed. by A. Bennett, J.T. Checkel. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 2015. P. 3–37.
- Blyth M. *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Brazil and China in Knowledge and Policy Transfer Agents, Objects, Time, Structures and Power Structures and Power / ed. by O. Porto de Oliveira, C. Romano. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Brink T., Müller A., Liu T. The Introduction of Pension, Accident, and Health Insurance in Urban China // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 33–66.
- Campbell O., Pedersen T. Birding in the United Arab Emirates // *Birding World*. 2011. Vol. 24. P. 160–176.
- Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Chubarova T., Grigorieva N. International Knowledge Transfer and Russian Social Policy: The Case of Gender Mainstreaming // *Global Social Policy*. 2021. Vol. 21. Is. 1. P. 96–116. DOI: [10.1177/1468018120969325](https://doi.org/10.1177/1468018120969325)
- Daviter F. The Political Use of Knowledge in the Policy Process // *Policy Science*. 2015. Vol. 48. P. 491–505. DOI: [10.1007/s11077-015-9232-y](https://doi.org/10.1007/s11077-015-9232-y)
- Devereux S. Policy Pollination as a Causal Mechanism Explaining Social Protection Adoption in Africa // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 203–236.
- Dolowitz D., Marsh D. *Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making // Governance*. 2000. Vol. 13. Is. 1. P. 5–23. DOI: [10.1111/0952-1895.00121](https://doi.org/10.1111/0952-1895.00121)
- Dupré J., Cartwright N. *Probability and Causality: Why Hume and Indeterminism Don't Mix* // *Nous*. 1988. Vol. 22. Is. 4. P. 521–536.
- Falleti T.G., Lynch J.F. Context and Causal Mechanisms in Political Analysis // *Comparative Political Studies*. 2009. Vol. 42. Is. 9. P. 1143–1166. DOI: [10.1177/0010414009331724](https://doi.org/10.1177/0010414009331724)
- Freeman R. Learning in Public Policy // *The Oxford Handbook of Public Policy* / ed. by M. Moran, M. Rein, R.E. Goodin. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 367–388. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199548453.003.0017](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199548453.003.0017)
- Goertz G. *Multimethod Research, Causal Mechanisms, and Case Studies. An Integrated Approach*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017.
- Graham I.D., Logan J., Harrison M.B., Straus S.E., Tetroe J., Caswell W. Lost in Translation: Time for a Map? // *Journal of Continuing Education in the Health Professions*. 2006. Vol. 26. Is. 1. P. 13–24. DOI: [10.1002/chp.47](https://doi.org/10.1002/chp.47)
- Greenberg D.H., Links D., Mandell M. *Social Experimentation and Public Policy Making*. Washington, DC: Urban Institute Press, 2003.
- Greenhalgh T., Wieringa S. Is It Time to Drop the 'Knowledge Translation' Metaphor? A Critical Literature Review // *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2012. Vol. 104. Is. 12. P. 501–509. DOI: [10.1258/jrsm.2011.110285](https://doi.org/10.1258/jrsm.2011.110285)

- Hedström P., Ylikoski P. Causal Mechanisms in the Social Sciences // *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36. P. 49–67. DOI: [10.1146/annurev.soc.012809.102632](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632)
- Heinrich A. International Knowledge Transfer and Learning in Social Policy: The Case of the Post-Soviet Region // *Global Social Policy*. 2021. Vol. 21. Is. 1. P. 3–8.
- Heinrich A., Isabekova G., Pleines H. Causal Mechanisms in the Introduction of Mandatory Health Insurance in the Post-Soviet Region // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 141–165.
- Keynes J.M. The General Theory of Employment // *The Quarterly Journal of Economics*. 1937. Vol. 51. Is. 2. P. 209–223. DOI: [10.2307/1882087](https://doi.org/10.2307/1882087)
- Khmelnitskaya M. The Policy-Making Process and Social Learning in Russia: The Case of Housing Policy. London: Palgrave Macmillan, 2015.
- Knowledge and Policy Change / ed. by H. Lindberg. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.
- Kuhlmann J., Nullmeier F. Introduction: A Mechanism-Based Approach to Social Policy Research // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 3–29.
- Lee S.-W., Kim E., Park K., Shin J.E. What Matters for the Successful Policy Transfer? Empirical Evidence from South Korea's Knowledge Sharing Program (KSP) // *Journal of Policy Studies*. 2022a. Vol. 37. Is. 3. DOI: [10.52372/jps37305](https://doi.org/10.52372/jps37305)
- Lee S.-L., Hung T.-K., Tian M. The Influence Mechanism of Source Experience of the Knowledge on the Knowledge Transfer Performance: The Role of Political Skill and Knowledge Barriers // *Frontiers in Psychology*. 2022b. Vol. 13. DOI: [10.3389/fpsyg.2022.980453](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.980453)
- Lendvai N., Stubbs P. Policies as Translation: Situating Trans-National Social Policies // *Policy Reconsidered: Meanings, Politics and Practices* / ed. by S.M. Hodgson, Z. Irving. Bristol: Policy Press, 2007. P. 173–189.
- Lindquist E., Wellstead A. Policy Process Research and the Causal Mechanism Movement: Reinvigorating the Field? // *Making Policies Work. First- and Second-order Mechanisms in Policy Design* / ed. by G. Capano, M. Howlett, M. Ramesh, A. Virani. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 14–38. DOI: [10.4337/9781788118194.00009](https://doi.org/10.4337/9781788118194.00009)
- Mahoney J. Beyond Correlational Analysis: Recent Innovations in Theory and Method // *Sociological Forum*. 2001. Vol. 16. Is. 3. P. 575–593.
- Mahoney J. Process Tracing and Historical Explanation // *Security Studies*. 2015. Vol. 24. Is. 2. P. 200–218. DOI: [10.1080/09636412.2015.1036610](https://doi.org/10.1080/09636412.2015.1036610)
- Mahoney J. Strategies of Causal Inference in Small-N Analysis // *Sociological Methods and Research*. 2000. Vol. 28. Is. 4. P. 387–424. DOI: [10.1177/0049124100028004001](https://doi.org/10.1177/0049124100028004001)
- Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press, 1968.
- Mokhtar Kh.S., Rahman N.A. Understanding the Concept of Policy Transfer: A Systematic Literature Review Approach // *International Journal of Politics, Public Policy and Social Works (IJPPSW)*. 2020. Vol. 2. Is. 5. DOI: [10.35631/IJPPSW.25001](https://doi.org/10.35631/IJPPSW.25001)
- Öktem K.G. Causal Mechanisms in the Introduction and Development of Unemployment Insurance in Turkey // *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy* / ed. by J. Kuhlmann, F. Nullmeier. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 103–139.
- Peck J., Theodore N. *Fast Policy: Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2015.
- Rogers E. *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press, 2003.

Salmon M. Error Correction Mechanisms // *The Economic Journal*. 1982. Vol. 92. Is. 367. P. 615–629.

Social Policy, Poverty, and Inequality in Central and Eastern Europe and Former Soviet Union / ed. by S. An, T. Chubarova, B. Deacon, P. Stubbs. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2019.

Stiglitz J. *Globalization and Its Discontents*. New York: W. W. Norton & Company, 2002.

Stone D. Transfer and Translation of Policy // *Policy Studies*. 2012. Vol. 33. Is. 6. P. 483–499. DOI: [10.1080/01442872.2012.695933](https://doi.org/10.1080/01442872.2012.695933)

Stone D. Understanding The Transfer of Policy Failure: Bricolage, Experimentalism and Translation // *Policy & Politics*. 2017. Vol. 45. Is. 1. P. 55–70. DOI: [10.1332/030557316X14748914098041](https://doi.org/10.1332/030557316X14748914098041)

Stone D., Porto de Oliveira O., Pal L. Transnational Policy Transfer: The Circulation of Ideas, Power and Development Models // *Policy and Society*. 2020. Vol. 39. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1080/14494035.2019.1619325](https://doi.org/10.1080/14494035.2019.1619325)

References:

An S., Chubarova T., Deacon B., Stubbs P. (eds.) (2019) *Social Policy, Poverty, and Inequality in Central and Eastern Europe and Former Soviet Union*. Stuttgart: Ibidem Verlag.

Beach D. (2016) It's All About Mechanisms — What Process-Tracing Case Studies Should Be Tracing. *New Political Economy*. Vol. 21. Is. 5. P. 463–472. DOI: [10.1080/13563467.2015.1134466](https://doi.org/10.1080/13563467.2015.1134466)

Beach D., Pedersen R. (2013) *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines*. MI: University of Michigan Press.

Béland D. (2005) Ideas and Social Policy: An Institutional Perspective. *Social Policy & Administration*. Vol. 39. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1111/j.1467-9515.2005.00421.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2005.00421.x)

Bennett A., Checkel J.T. (2015) Process Tracing: From Philosophical Roots to Best Practices. In: Bennett A., Checkel J.T. (eds.) *Process Tracing: From Metaphor to Analytic Tool*. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press. P. 3–37.

Blyth M. (2002) *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.

Brink T., Müller A., Liu T. (2022) The Introduction of Pension, Accident, and Health Insurance in Urban China. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 33–66.

Campbell O., Pedersen T. (2011) Birding in the United Arab Emirates. *Birding World*. Vol. 24. P. 160–176.

Chubarova T., Grigorieva N. (2021) International Knowledge Transfer and Russian Social Policy: The Case of Gender Mainstreaming. *Global Social Policy*. Vol. 21. Is. 1. P. 96–116. DOI: [10.1177/1468018120969325](https://doi.org/10.1177/1468018120969325)

Daviter F. (2015) The Political Use of Knowledge in the Policy Process. *Policy Science*. Vol. 48. P. 491–505. DOI: [10.1007/s11077-015-9232-y](https://doi.org/10.1007/s11077-015-9232-y)

Devereux S. (2022) Policy Pollination as a Causal Mechanism Explaining Social Protection Adoption in Africa. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 203–236.

Dolowitz D., Marsh D. (2000) Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making. *Governance*. Vol. 13. Is. 1. P. 5–23. DOI: [10.1111/0952-1895.00121](https://doi.org/10.1111/0952-1895.00121)

Dupré J., Cartwright N. (1988) Probability and Causality: Why Hume and Indeterminism Don't Mix. *Nous*. Vol. 22. Is. 4. P. 521–536.

Falleti T.G., Lynch J.F. (2009) Context and Causal Mechanisms in Political Analysis. *Comparative Political Studies*. Vol. 42. Is. 9. P. 1143–1166. DOI: [10.1177/0010414009331724](https://doi.org/10.1177/0010414009331724)

- Fomin I.V. (2018) Projekt «Transfer znaniy i konvergentsiya metodologicheskikh traditsiy: Opyt mezhdistsiplinarnoy integratsii politicheskikh, biologicheskikh i lingvisticheskikh issledovaniy» [The project “Knowledge transfer and convergence of methodological traditions: The experience of interdisciplinary integration of political, biological and linguistic research”]. *Metod: moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. Moscow: INION RAN. P. 241–242.
- Freeman R. (2006) Learning in Public Policy. In: Moran M., Rein M., Goodin R.E. (eds.) *The Oxford Handbook of Public Policy*. Oxford: Oxford University Press. P. 367–388. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199548453.003.0017](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199548453.003.0017)
- Goertz G. (2017) *Multimethod Research, Causal Mechanisms, and Case Studies. An Integrated Approach*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Graham I.D., Logan J., Harrison M.B., Straus S.E., Tetroe J., Caswell W. (2006) Lost in Translation: Time for a Map? *Journal of Continuing Education in the Health Professions*. Vol. 26. Is. 1. P. 13–24. DOI: [10.1002/chp.47](https://doi.org/10.1002/chp.47)
- Greenberg D.H., Links D. Mandell M. (2003) *Social Experimentation and Public Policy Making*. Washington, DC: Urban Institute Press.
- Greenhalgh T., Wieringa S. (2012) Is It Time to Drop the ‘Knowledge Translation’ Metaphor? A Critical Literature Review. *Journal of the Royal Society of Medicine*. Vol. 104. Is. 12. P. 501–509. DOI: [10.1258/jrsm.2011.110285](https://doi.org/10.1258/jrsm.2011.110285)
- Grigorieva N.S, Chubarova T.V. (2023) Mezhdunarodnaya peredacha znaniy [International knowledge transfer]. In: Solov'yev A.I. (ed.) *Politologiya. Novyy leksikon*. Moscow: Izdatel'stvo “Aspekt Press”. P. 366–375.
- Hedström P., Ylikoski P. (2010) Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. P. 49–67. DOI: [10.1146/annurev.soc.012809.102632](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632)
- Heinrich A. (2021) International Knowledge Transfer and Learning in Social Policy: The Case of the Post-Soviet Region. *Global Social Policy*. Vol. 21. Is. 1. P. 3–8.
- Heinrich A., Isabekova G., Pleines H. (2022) Causal Mechanisms in the Introduction of Mandatory Health Insurance in the Post-Soviet Region. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 141–165.
- Keynes J.M. (1937) The General Theory of Employment. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 51. Is. 2. P. 209–223. DOI: [10.2307/1882087](https://doi.org/10.2307/1882087)
- Khmelnitskaya M. (2015) *The Policy-Making Process and Social Learning in Russia: The Case of Housing Policy*. London: Palgrave Macmillan.
- Kuhlmann J., Nullmeier F. (2022) Introduction: A Mechanism-Based Approach to Social Policy Research. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 3–29.
- Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) (2022) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Lee S.-W., Kim E., Park K., Shin J.E. (2022a) What Matters for the Successful Policy Transfer? Empirical Evidence from South Korea’s Knowledge Sharing Program (KSP). *Journal of Policy Studies*. Vol. 37. Is. 3. DOI: [10.52372/jps37305](https://doi.org/10.52372/jps37305)
- Lee S-L., Hung T-K., Tian M. (2022b) The Influence Mechanism of Source Experience of the Knowledge on the Knowledge Transfer Performance: The Role of Political Skill and Knowledge Barriers. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. DOI: [10.3389/fpsyg.2022.980453](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.980453)
- Lendvai N., Stubbs P. (2007) Policies as Translation: Situating Trans-National Social Policies. In: Hodgson S.M., Irving Z. (eds.) *Policy Reconsidered: Meanings, Politics and Practices*. Bristol: Policy Press. P. 173–189.
- Lindberg H. (ed.) (2013) *Knowledge and Policy Change*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

- Lindquist E., Wellstead A. (2019) Policy Process Research and the Causal Mechanism Movement: Reinvigorating the Field? In: Capano G., Howlett M., Ramesh M., Virani A. (eds.) *Making Policies Work. First- and Second-order Mechanisms in Policy Design*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 14–38. DOI: [10.4337/9781788118194.00009](https://doi.org/10.4337/9781788118194.00009)
- Mahoney J. (2000) Strategies of Causal Inference in Small-N Analyses. *Sociological Methods and Research*. Vol. 28. Is. 4. P. 387–424. DOI: [10.1177/0049124100028004001](https://doi.org/10.1177/0049124100028004001)
- Mahoney J. (2001) Beyond Correlational Analysis: Recent Innovations in Theory and Method. *Sociological Forum*. Vol. 16. Is. 3. P. 575–593.
- Mahoney J. (2015) Process Tracing and Historical Explanation. *Security Studies*. Vol. 24. Is. 2. P. 200–218. DOI: [10.1080/09636412.2015.1036610](https://doi.org/10.1080/09636412.2015.1036610)
- Merton R.K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press.
- Mokhtar Kh.S., Rahman N.A. (2020) Understanding the Concept of Policy Transfer: A Systematic Literature Review Approach. *International Journal of Politics, Public Policy and Social Works (IJPPSW)*. Vol. 2. Is. 5. DOI: [10.35631/IJPPSW.25001](https://doi.org/10.35631/IJPPSW.25001)
- Öktem K.G. (2022) Causal Mechanisms in the Introduction and Development of Unemployment Insurance in Turkey. In: Kuhlmann J., Nullmeier F. (eds.) *Causal Mechanisms in the Global Development of Social Policies, Global Dynamics of Social Policy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 103–139.
- Orwell G. (2021) *Mysli v puti. Publitsistika, esseistika, kritika* [Thoughts are on the way. Journalism, essays, criticism]. Saint Petersburg: Azbuka.
- Peck J., Theodore N. (2015) *Fast Policy: Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Porto de Oliveira O., Romano C. (eds.) (2022) *Brazil and China in Knowledge and Policy Transfer Agents, Objects, Time, Structures and Power Structures and Power*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Rogers E. (2003) *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press.
- Sadovnichiy V.A., Grigorieva N.S., Chubarova T.V. (2012) *Ot traditsii k innovatsii: reformy zdavookhraneniya v sovremennom mire* [From tradition to innovation: Healthcare reforms in the modern world]. Moscow: Ekonomika.
- Salmon M. (1982) Error Correction Mechanisms. *The Economic Journal*. Vol. 92. Is. 367. P. 615–629.
- Stiglitz J. (2002) **Globalization and Its Discontents**. New York: W.W. Norton & Company.
- Stone D. (2012) Transfer and Translation of Policy. *Policy Studies*. Vol. 33. Is. 6. P. 483–499. DOI: [10.1080/01442872.2012.695933](https://doi.org/10.1080/01442872.2012.695933)
- Stone D. (2017) Understanding The Transfer of Policy Failure: Bricolage, Experimentalism and Translation. *Policy & Politics*. Vol. 45. Is. 1. P. 55–70. DOI: [10.1332/030557316X14748914098041](https://doi.org/10.1332/030557316X14748914098041)
- Stone D., Porto de Oliveira O., Pal L. (2020) Transnational Policy Transfer: The Circulation of Ideas, Power and Development Models. *Policy and Society*. Vol. 39. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1080/14494035.2019.1619325](https://doi.org/10.1080/14494035.2019.1619325)
- Sungurov A.Yu. (2015) *Kak vznikayut politicheskiye innovatsii: «fabriki mysli» i drugiye instituty-mediatory* [How political innovations arise: “Thought factories” and other intermediary institutions]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Turchenko M.S., Zavads kaya M.A. (2017) Casual Mechanism vs Pile of Facts: How to Evaluate Casual Links in Case Study Research. *Polls. Politicheskkiye issledovaniya*. No. 2. P. 134–146. DOI: [10.17976/jpps/2017.02.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.09)
- Voloshinskaya A.A., Komarov V.M. (2015) Vidence-Based Policy: Problems and Prospects. *Vestnik IE RAN*. No. 4. P. 90–102.